

Зинаида Миркина

Тихие сказки

Художник Елена Петрова

Здравствуй! Здравствуй! Здравствуй!

Здравствуй, сосна, здравствуй, подснежник, здравствуйте, снегири! Я фея Перели. У меня полное лукошко солнечных лучей, а звезды я прячу под шапкой. Подождите, это после я сниму шапку, трягну волосами и закину на ветки звезды. Вам меня не поймать! Я розовая, синяя, голубая, зеленая, золотистая, – я фея Перели. Пе-ре-ли! Захочу, побегу по веткам наперегонки с белкой и буду сбрасывать вам сверху солнечных зайчиков. Вам весело? Ну, конечно, всем весело, когда я смеюсь – ведь сейчас утро!

Может быть, вечером я сама сяду на ветку, стану серебряносиней. Волосы мои повиснут между деревьями, а платье заструится, точно сизый дым. И тогда мы вместе о чем-нибудь задумаемся. Я сама не знаю, о чем. Может быть, о моем будущем муже. А? Говорят, что феи не выходят замуж... Может быть, и не выходят, а может быть, и выходят...

Вот мы уже и задумались. Как незаметно настал вечер...

Все это говорила маленькая фея Перели в большом, большом лесу. Она действительно задумалась, сев на ветку. Шапка у нее сползла, волосы рассыпались и повисли между деревьями, и целая пригоршня звезд зацепилась за сучки и листья. А глаза у феи стали до того синие, до того глубокие, что заглянешь – не выйдешь...

Птицы уснули, звоны умолкли, только шорохи проснулись и стали блуждать по лесу.

– Что задумалась, дочка? – сказал старый Пан. – Не холодно ли в сыром лесу ночью? Идем ко мне в пещеру. Я расстелю тебе постель на звериной шкуре, разожгу костер, обогрею, нашепчу про старое, про древнее, про бывалое... У меня в глазах только и осталась еще светлинка – последний отсвет зари. Люди говорят, что глаза у меня выцветшие, как небо поздним вечером. Много они знают – у меня беззакатные глаза.

– Спасибо, отец, я не хочу к тебе в пещеру. Иди сам.

– Неужто всю ночь на ветке просидишь? Уж очень ты много стала мечтать. Ну смотри, замерзнешь, приходи.

И старик ушел, а с ним вместе и шорохи. Совсем недвижимым стал лес. И тогда фея Перели уснула на ветке, как лесная птица.

Почему-то ей приснились синие капли. Синие, прозрачные капли стекали с неба и повисали на какой-то узорной резьбе, которая раньше была невидимой, но вот вдруг стала видна. И перед ней раскрылся прозрачный дворец, молчаливый дворец, и на нем узор из синих капель.

Она проснулась очень рано и несколько минут все еще жила среди синего мира, точно никак не могла выйти из заколдованного царства. Утро было сизое, прохладное. Березка стояла сонная, вся в тумане, ветки у нее запутались, сплелись с туманом. Надо было ее разбудить да причесать. Сосна все еще разговаривала с самой собой про что-то такое важное, такое важное, что утром и понять нельзя. Надо было просто подойти, прислониться щекой к коре и помолчать немножко. Тогда она совсем проснется, вздохнет глубоко-глубоко и улыбнется со своей высоты.

И тут-то и начнется утро, пахучее, радостное. Надо будет скорее брать лукошко с солнечными лучами, бегать, подносить лучики к росинкам и поджигать их. Это занятие фея Перели очень любила. Но сегодня она с самого утра была задумчивой, и вот приснились же ей почему-то не разноцветные, а синие капли...

Все утро она пробродила между деревьями, так и позабыв про лучи в лукошке. Утро оставалось туманным, сизым. Нет, нет, да и начинали падать с неба капли. Только они были не синие, совсем не такие, как ей снились. Вдруг и из глаз ее тоже капнули две капли, и тоже не синие, а обыкновенные.

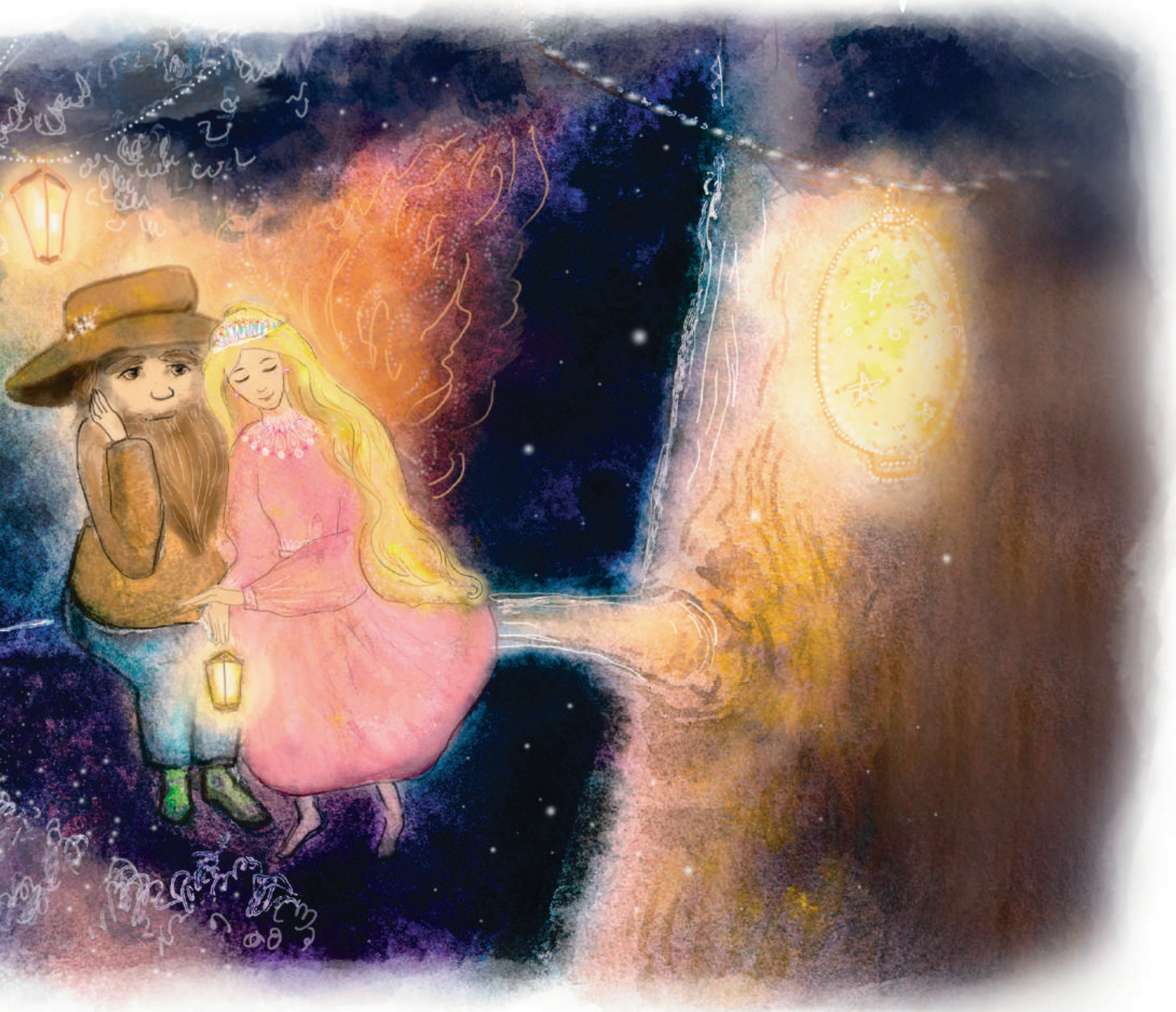
Она пошарила в лукошке, чтобы достать платок и вытереть лицо и деревья, да тут вдруг случайно и выпал лучик. Выпал и запутался, и повис где-то в листьях. И такие изумрудины засверкали в листве, что фея наконец не выдержала, засмеялась и пошла поджигать лучиками капли.

Как уж прослышали птицы, никому не известно, но только стали они петь по всему свету, что фея Перели хочет выбрать себе мужа. Про все раззвонили – и про то, что стала фея задумчивой, и про то, что старый Пан отговаривает ее выходить замуж, вздыхает да качает головой.

А старый Пан и на самом деле качал головой и говорил:

– Эх, дочка, ну на что тебе муж? Неужели мало тебе радости? И лес твой, и небо твое. Лучи у тебя в лукошке, звезды под шапкой, и я-то, старый, хожу за тобой, как нянька. А меня ведь боялись многие... Я ведь лесной бог, а ты, что захочешь, то и делаешь со мной. Потому что люблю я тебя, дочка. И где ж для феи найдется муж? В лесах его нет, а ведь за городского ты сама не пойдешь, его тут каждый листок на смех подымет.

Пан сидел на огромном корявом пне, а фея Перели на мягкой траве, такая маленькая и легкая, что, казалось, ветер мог поднять и унести ее.

– Отец, – сказала она, – колокольчик цветет для того, чтобы кому-нибудь стало очень хорошо жить на свете. А от этой радости еще что-нибудь родится, – может, звезда, может, песня, а может, человек. Все думают, что он маленький да глупенький, этот колокольчик, а он, может, мудрей всех...

– Ну вот и гляди на колокольчик, я тебе еще весной ландышей по всему лесу разбросаю.

– Отец, а мои глаза ведь тоже цветут.

Ничего не сказал старый Пан, только глубоко-глубоко вздохнул – так, что шелест прошел по всему лесу.

– Да, отец, я забыла, что собрала тебе изумрудины. Они сегодня на елке зажглись, а я их собрала. Пусть у тебя в пещере живет зеленый огонь и по ночам светит. Только одну изумрудинку я себе оставляю, остальные бери, – и фея Перели протянула Пану горсть изумрудин.

В это время длинный закатный луч пронизал лес. Вот к таким лучам фея подбегала, бывало, – быстрая, проворная, – раз-раз-раз – надергивала себе маленьких лучинок, чтобы было чем на завтра росинки поджигать. Подбежит, надергает и убежит. Но сейчас она не стала дергать лучинки, а просто, засмотревшись на закатный луч, медленно вошла в него. И тогда он ее обнял тихо-тихо и приподнял, и вот она очутилась на стволе сосны, розовая, волшебная... Вот луч поднял ее еще выше, еще, и наконец посадил на самую вершину. Как хорошо там было! Может быть, никогда еще в жизни не было ей так хорошо.

– Я ухожу, – сказал закатный луч. – Посиди без меня на облаке. Пусть оно останется розовым и посветит, когда меня не будет.

Так и заснула фея в эту ночь на облаке. На облаке вплыла в свой синий сон, в синий, в белый, в необъятный...

А в далекой стране жил царевич. Услыхал он от птиц, что фея Перели хочет выбрать себе мужа, и очень обрадовался. Ни одна царевна ему не нравилась. Так хорошо было бы жениться на фее!

– А что, очень красивая твоя фея? – спросил он у зяблика, который ему все рассказал.

– Она бывает разная. Иногда розовая, иногда синяя, иногда золотистая, – сказал зяблик, – одним красивая, другим не очень. Приходи, посмотришь.

– Как это – розовая, синяя, золотистая? Это у нее платья такие есть?

– Ну да, платья. Только они как-то вмиг меняются сами собой, и вокруг нее свет разных цветов. Приходи, посмотришь.

Все это было интересно, и царевич пошел в лес.

Он пришел туда днем, когда фея Перели обычно была занята работой: успокаивала птенцов, которые, раскрыв желтые носики, кричали, ожидая мать и отца; убиралась в беличьих гнездах или вышивала золотом по зелени. Царевич застал ее за вышиваньем и решил, что это подходящее для царской невесты дело. Фея ему очень понравилась. Он вообще любил маленьких женщин, а эта еще такая быстрая, хорошенькая, сразу чувствовалось что-то волшебное.

– Здравствуй, фея Перели, – сказал он, – я царевич, я хочу на тебе жениться. Я принес тебе в подарок жемчужину из царской короны. Пожалуйста, спустись с дерева, я отдам ее тебе.

– Спасибо, царевич, – сказала фея, – я тоже хочу сделать тебе подарок – вот эту изумрудинку На, лови! – фея бросила с ветки большую, засверкавшую изумрудину. Казалось, она летела прямо в руки царевичу, но вот скользнула и пропала. Он беспомощно оглянулся, пошарил в траве, но ничего не нашел. А с дерева раздался тихий грустный голос феи:

– Бедный царевич, ты не умеешь ловить изумрудинки. Как же я выйду за тебя замуж?

– О, это ничего! У меня в сокровищнице столько изумруда, сапфира и других драгоценностей, что нам на всю жизнь хватит.

– Нет, царевич, они не живые. Бедный царевич, ты не умеешь собирать живые самоцветы...

– Как это – живые? – удивился царевич. – Что ты говоришь?

Стал он просить фею спуститься к нему, но фея только покачала головой.

– Нет, царевич, женись на обыкновенной царевне, отдай ей свою жемчужину.

– Не хочу я обыкновенную царевну, я хочу тебя.

– А ты сумеешь меня обнять?

– О чем ты спрашиваешь, фея, я же мужчина!

– Ну что ж, обними.

Фея Перели спрыгнула с ветки и стала так близко к царевичу, что у него даже голова закружилась от счастья. Поднял он руки, чтобы обвить ими маленькую фею, но вдруг она скользнула, как переливчатая струйка, и – нет ее, и она уже смеется с ветки:

– Бедный, глупый царевич, женись на обыкновенной царевне, ты не умеешь обнимать фею.

Царевич помрачнел.

– Я никуда не уйду из леса, я буду ходить за тобой повсюду. Ты увидишь, как я тебя люблю, и выйдешь за меня замуж.

И царевич стал повсюду ходить за феей, вечно искал ее, когда она ускользала, и весь лес смеялся, что у такой легкой феи такая тяжелая тень.

Между тем, в лес стали приходить и другие женихи. Все они шли не дальше опушки и поджидали фею. Некоторые уходили разочарованные – фея им вовсе не нравилась – одни переливы и больше ничего. А тем, которые хотели на ней жениться, фея бросала изумрудинку, как и царевичу, и никто не умел ее поймать. Все они уходили, поникнув головами. Только один царевич продолжал добиваться своего.

Стоило фее присесть где-нибудь и сказать: «Я хочу пить», – как тут же появлялся царевич с кувшином прозрачной воды. Стоило ей сказать: «Я устала, мне хочется ягод и орехов», – как он приносил ей полное лукошко ягод и лесных орехов и при этом приговаривал: «Никто тебя не любит так, как я». «Бедный, бедный царевич, – говорила фея, – спасибо тебе, но только напрасно ты ходишь за мной. Ты не научишься ловить изумрудинки, а я выйду замуж только за того, кто умеет собирать живые самоцветы. Только тот и сумеет обнять меня».

Была глухая ночь, когда у пещеры Пана что-то хрустнуло. Фея в эту ночь спала в пещере. Зашла к Пану вечером, стала гладить его серебряные волосы, да так и прикорнула на плече у старика. Он ее поднял спящую, отнес на звериную шкуру, прикрыл травяным одеялом, а сам лег поодаль, вздохнул и заснул. И вот около его пещеры что-то хрустнуло. Фея моментально проснулась. «Это человеческая нога наступила на ветку», – подумала она. «Наверно, царевич пришел за мной и сюда». Она раздвинула полог из сплетенных листьев и вышла.

И вправду, рядом с пещерой был царевич, но он спокойно спал у входа, а в нескольких шагах от него, на фоне уже начинавшей светлеть ночи, вырисовывалась человеческая фигура.

– Кто ты? – спросила фея. – Зачем пришел в лес ночью?

– Зачем пришел? Разве по лесу запрещено ходить? Бродил, бродил по лесу, вдруг увидел зеленый огонь. Вот и подошел к этой пещере. Что это за пещера? И кто ты сама?

Почему-то фее не захотелось говорить, кто она.

– Я простая девушка, живу здесь с отцом.

– А кто твой отец?

– Старый лесничий.

– А-а...

Человек присел на пенек, а фея рядом с ним на траву.

– Хочешь, я подарю тебе зеленый огонь? – спросила она очень тихо. – У меня есть изумрудный уголек. Вот, гляди. Бери, если хочешь.

Не успела она это сказать, как увидела, что изумрудный уголек светится в глазах у незнакомого человека.

Взял, взял! Сумел удержать живой самоцвет! Фея засмеялась так радостно, что в лесу началось утро раньше обыкновенного. Запели птицы, поголубело небо, березка проснулась и причесалась сама, и сосна вышла из своей задумчивости и улыбнулась с вершины.

– Пойдем, – сказала фея незнакомцу с изумрудинками в глазах, – я покажу тебе мой лес...

Они пошли по тропинке, которую знала только она, и там, где они проходили, зажигались капли. Вдруг ее спутник взял ее маленькую руку в свою и провел ею по своему лицу.

– Ты – фея, – сказал он.

Фея Перели вздрогнула. Сколько людей знали, что она фея, и повторяли это с чужих слов, а в глубине души не верили этому, а этот ничего не знал и все понял сам. Целую минуту она не отнимала своей руки от его лица: гладила его щеки, лоб, губы, а потом улыбнулась и позвала:

– Идем, идем дальше!

Когда солнце было уже совсем высоко, проснулся царевич. На пне сидел Пан и курил свою трубку, едва затягиваясь, чтобы туман в лесу был совсем небольшой. Он уже хотел отложить ее и пойти собирать листья и тут-то увидел, что царевич проснулся и беспомощно озирается вокруг.

– Что, дружок, проспал свою фею? – спросил его Пан.

– Дедушка, а дедушка, помоги мне ее найти!..

– Где ж мне за ней угнаться? У тебя ноги помоложе, ищи сам.

А фея со своим спутником была уже где-то на другом конце леса. Целый день искал царевич, исходил весь лес, и только на закате набрел на них где-то на пригорке возле речки. Сначала он не видел, что с феей есть еще кто-то. Он увидел только ее белый наряд и услышал голос: «Видно, отец опять закурил свою трубку, – говорила она, – чувствуешь запах дыма? Дым в лесу! Это для меня самый родной запах на свете! Видишь, вон свиваются облака, это от его трубки...»

«Кому это она говорит?» – подумал царевич, и тут увидел незнакомого человека с изумрудинками в глазах, прикасавшегося к руке феи. У царевича сжалось сердце. «Ну ничего, сейчас, сейчас она ускользнет от него, как переливчатая струйка», – решил он.

Это ветки, наверно, наклонились так близко к воде и переплелись между собой. Это листья перебирает пальцами незнакомый человек. Не может быть, чтобы это были волосы феи...

И тут до царевича донеслись тихие, как ветерок, слова: «Обними меня, милый...» Как? Она просит обнять ее, а он отвернулся, смотрит на закат. Сейчас он оторвет глаза от неба, обернется, а ее уже не будет. Но тут случилось что-то, чего уже совсем не мог понять царевич: незнакомец обернулся, и в глазах его были уже не изумрудинки, а весь закат.

Как это могло быть? И как она могла очутиться в его объятиях? Ведь он и не смотрел на нее? Как крепко он ее держит! Никуда, никуда она не ускользает...

Царевич отвернулся и пошел прочь, а в душе его звучало: «Бедный, глупый царевич...»

